

Кевин бросился в кабинет, где уже царил беспорядок.

Тело слегка толстого камергера упало на землю, и на первый взгляд, казалось, что он просто лежал там, но каким-то удивительным образом он застыл в своей нелепой позе падения и не шевелился. Несколько камергеров и охранников окружили его, у каждого было шокированное выражение лица.

Синтия уткнулась в объятия Освальда, рыдая до тех пор, пока у нее не перехватило дыхание. Она потерла глаза левой рукой, в то время как ее правая рука застыла под странным углом. Выражение лица Освальда было очень уродливым. Он внимательно осмотрел правую руку Синтии и крикнул охранникам сбоку: "Вы что, совсем оуптели? Идите и позовите кого-нибудь из медиков!".

Два человека поспешно ответили и нетерпеливо выбежали, не отдав честь Кевину.

"Что случилось?" — Кевин вошел, чувствуя, что что-то не так. Если бы мужчина просто упал, не было бы такой большой реакции.

Освальд ответил ему не сразу, а нетерпеливо отчитал нескольких других камергеров: "Вы что, не знаете, что делать? Не позволяйте ему продолжать лежать на земле. Сначала поднимите его".

Эти трое сбитых с толку камергеров одновременно кивнули и обсудили, как поднять этого толстого человека с земли.

Кевин взглянул на него и выражение его лица изменилось: "Как он стал таким?".

Когда этого толстого камергера подняли, он все еще сохранял прежнюю позу без малейших изменений, как будто он был заморожен. Ситуация была очень странной, как будто они поднимали не живого человека, а каменную статую.

Но каменная статуя могла говорить, только ее голос ужасно дрожал: "Ваше Величество, почему, почему я не могу пошевелиться? Я не чувствую своих рук и ног".

"Давайте поговорим после того, как придет врач, — ответил Освальд и подбородком кивнул на свой кабинет, обращаясь к нескольким камергерам, — положите его на стол или стул, и посмотрите, как ему помочь".

Закончив командовать, он повернулся и объяснил все Кевину: "Синтия упала, когда вбежала внутрь. Он пытался подхватить ее и в итоге упал вместе с ней, но не в этом суть, я думаю, ты уже можешь догадаться, что случилось дальше. Он не смог подняться после того, как упал. Рука Синтии, которая ударилась о землю, тоже стала такая".

Кевин подошел ближе и осмотрел правую руку Синтии.

Он не обратил на это внимания, когда смотрел издали, но теперь он обнаружил, что цвет кожи правой руки Синтии был странным. Она стала сегментированной от ее локтя, но ее верхняя часть все еще была нормального лотосово-белого цвета. Кожа на ее предплечье до пальцев стала безжизненной, пепельно-желтой, без кровообращения.

"Это больно?" — Кевин поднял руку и слегка ущипнул Синтию за предплечье. Текстура на ощупь напоминала хрупкий песчаник, как будто оно могло полностью развалиться, приложи он чуть больше силы.

Синтия покачала головой с красными глазами и всхлипнула: "Но я боюсь".

Эти три камергера, наконец, усадили толстого камергера на стул. Один из них внимательно посмотрел на Освальда и пробормотал: "Ваше, Ваше Величество, вы ваше ухо также было поражено Ее Величеством Синтией. Вы действительно в порядке?".

Освальд ответил с неприглядным выражением лица: "Мой слух немного нечеткий".

"Тебя тоже ударили?" — Кевин нахмурился. Изначально у него не было никаких сомнений по отношению к состоянию Освальда, поэтому он сразу протянул руку и коснулся уха Освальда, когда услышал это. Он нажал на него, чтобы найти затвердевшее место, и проследовал к мочке уха. От начала и до конца он не осмеливался сильно нажимать и только слегка коснулся его так, как раньше ущипнул Синтию за руку.

Через некоторое время Кевин отступил назад и убрал руку, сказав: "Изменений нет, но оно немного горячее. Может быть, это был всего лишь небольшой удар. Ты сказал, что это уже начало влиять на твой слух?".

Когда он закончил говорить это, он, наконец, перевел взгляд и обнаружил, что выражение лица Освальда было немного странным. Он усмехнулся, и не глядя на него сказал: "Ты что не взял свой мозг с собой, когда выходил сегодня на улицу? Кто тебе сказал, что это то ухо?!".

".....". Кевин с несчастным видом ответил: "Ты осознал, что я касался не того уха больше чем через минуту?".

Освальд холодно фыркнул. Выражение его лица было высокомерным и надменным. Но едва этот тигр напустил на себя важный вид, собираясь показать свою мощь, как он снова сдুলся из-за его покрасневшего уха.

Кевин нашел его внешний вид довольно забавным, но поскольку ситуация была неподходящей, ему пришлось сделать выражение лица более серьезным и он обошел Освальда с другой стороны.

На этот раз ему не пришлось его трогать, потому что ухо Освальда уже приобрело бескровный пепельно-желтый цвет, как и рука Синтии.

Кевин беспокоенно сказал: "Не развалится ли оно, если ты не будешь осторожен во время сна?".

Лицо Освальда мгновенно позеленело. Он закатил глаза и выдавил сквозь зубы: "Не беспокойся об этом, и закрой свой вороний клюв!".

Пока двое мужчин разговаривали, вернулись два стражника, которые пошли за врачом. Врач, которого они поддерживали, выглядел таким старым, худым и маленьким, как высохший боб с двумя тощими ножками. Казалось, стражники несли его почти всю дорогу. Его ноги даже не касались земли, и его не отпускали, пока он не оказался в кабинете.

Старый врач глубоко вздохнул, отдал честь Освальду и сказал протяжным тоном: "Ваше Величество...".

"Не надо отдавать мне честь, лучше скорее осмотрите пациента", — Освальд почувствовал головную боль, услышав его речь. Он прямо сунул правую руку Синтии под глаза старому врачу.

Он дал простое объяснение ситуации с Синтией и этим толстяком, а затем нахмурился и устался на старого врача, ожидая, что тот скажет.

Зрение старого врача, казалось, было не очень хорошим, и кончик его носа почти прилип к тыльной стороне ладони Синтии. Он некоторое время смотрел и бормотал себе под нос, прежде чем осмотреть толстого камергера с головы до ног.

"Есть ли уже какое-то заключение?" — Освальд нетерпеливо спросил.

Старый врач кивнул, а затем покачал головой: "Я не знаю, что это за болезнь, но я видел ее раньше в книге".

Освальд: "В какой книге?".

Старый врач почесал лицо и поднял голову, долго думал, прежде чем ответить: "Я забыл название книги".

Освальд: "....."

Если бы этот старый врач был немного моложе, он бы приказал наколоть его на вилы снаружи!

"Но я помню раздел из нее", — врач глубоко вздохнул и добавил: Это было нечто, что произошло в эпоху Басермана. Согласно иерархии, это было поколение прапрадеда Вашего Величества. В книге говорилось, что тем летом в имперском городе была крысиная чума. Таинственная болезнь внезапно распространилась внутри императорского дворца. Здоровые люди внезапно не смогли двигаться, включая самого императора Басермана, у которого была заражена одна рука. Описание этой болезни, очень похоже на состояние ее Величества Синтии и этого камергера".

"Крысиная чума?" — Кевин обернулся и посмотрел в окно. Коридор был наводнен черными насекомыми размером с семя кунжута, летающими во всех направлениях, немного похожими на те, что были в том году, о котором говорил врач.

Освальд также взглянул на летающих насекомых и нахмурился, задавая вопрос: "Что случилось потом? Придумали ли какое-либо решение?".

"Придворные медики были беспомощными, поэтому императору Басерману оставалось только искать другой метод. В то время клан духов еще не переселился за море и часто контактировал с нашей страной. Император пригласил великого старейшину клана духов прийти, чтобы он взглянул на ситуацию, — старый врач тщательно вспоминал раздел, продолжая говорить: Великий старец сказал, что это инфекционное заболевание больше похоже на колдовство, чем на болезнь. Позже император последовал совету этого великого старца и отправился к гробнице Бога Фаз".

Кевин усомнился в своих ушах: "К чьей гробнице?".

Освальд был в равной степени сбит с толку: "Гробница Бога Фаз? Подземная гробница Бога Света, Фаз? "

Старый врач кивнул головой.

Освальд и Кевин оба изобразили выражение "Ты что, черт возьми, издеваешься надо мной?"

Освальд в течение года промывал мозги Синтии, и имя бога света, Фаз, было ей знакомо. Маленькая девочка, которая плакала, как щенок, внезапно перестала плакать и шмыгнула носом: "Сможем ли мы увидеть его, если пойдем к гробнице Бога? Я хочу пойти..... "

Старый врач любезно ответил: "Вы сможете увидеть его кости, если пойдете к гробнице Бога".

Синтия: "....."

Даже Освальд, которому, предположительно, очень нравился Фаз, не мог больше слушать подобное и пристально посмотрел на старого врача, возвращаясь к основной теме: "Почему великий старейшина клана духов сказал ему идти к гробнице Бога Фаз? "

Старый врач махнул рукой: "Ваше Величество верит в Старых Богов или в более Поздних Богов?".

Освальд ответил: "Я не верю ни в то, ни в другое. Я верю в себя. Но я больше склоняюсь к Старым Богам, чем к более поздним".

Синтия повернула голову, чтобы посмотреть на него: "Это из-за Фаэ?".

Освальд закатил глаза и сразу закрыл ее лицо ладонью, чтобы она больше не могла их беспокоить.

"Ваше Величество должны знать, что Бог Света отвечал не только за свет, но также за войну и здоровье. Великий старейшина сказал, что этот вид колдовства уходил своими корнями к Богам и не являлся чем-то, с чем они могли справиться. Ваше Величество, вы слышали о легенде о гробнице Бога Фаэ? В самой распространенной из них говорилось, что на алтаре главного святилища гробницы Бога Фаэ стояла серебряная чаша-потир, и она была полна святой воды".

Освальд: "..... Она все еще полезна после стольких лет?".

К счастью, он был императором. В противном случае, эта фраза наверняка нанесла бы удар верующим в Старых Богов, когда они ее услышали.

Старый врач долго сдерживался, прежде чем выдать: "По крайней мере, император Басерман преуспел в то время. В противном случае у него не было бы будущего преемника".

Это было очень важно.

Освальд пробормотал что-то себе под нос, прежде чем сказать старому врачу: "Хорошо, я понял. Есть ли какой-нибудь способ, с помощью которого вы бы могли найти эту книгу?".

Старый врач покачнулся, кланяясь, и сказал: "Я вернусь и попробую сделать это".

После того как старого врача и группу слуг отослали, он и Кевин были единственными, кто остался в кабинете. Глядя на выражение его лица, Кевин понял, что на самом деле он не возлагал все свои надежды на гробницу Бога Фаэ, потому что это было не то место, куда могли попасть обычные люди.

Множество описаний гробницы Бога Фаэ распространилось по всему миру, с различными версиями и содержанием. Но у всех них была одна общая черта; в нее было очень опасно и трудно войти.

Они никогда не видели книгу, упомянутую старым врачом. На самом деле, эта загадочная болезнь не упоминалась в официальных записях эпохи Басермана. Но вскользь упоминалось, что Басерман чрезвычайно почитал бога света, Фаэ, в более поздний период. Это вполне объяснимо, если бы это было из-за того, что сказал старый врач.

Они также могли представить, что Басерман, скорее всего, потерял много людей, чтобы получить возможность войти в главный зал. Возможно, это было одной из причин, по которой это событие не было записано подробно.

Освальд дотронулся до уха и прищурился: "Гробница Бога Фаэ не лучший вариант, нам нужно будет потерять слишком много людей, чтобы войти. Оно того не стоит. Что скажешь ... ты, что в оцепенении?".

Кевин был погружен в свои мысли, когда прислонился к окну и смотрел на летающих насекомых снаружи. Услышав это, он отвел взгляд и встретился глазами с Освальдом, сказав: "Это неплохая идея - попытаться проникнуть в гробницу...".

Прежде чем он смог закончить предложение, его прервал голос за дверью: "Ваше Величество, есть срочное сообщение от патрульной стражи имперского города! ".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17805/1689721>